

Л. П. РЕПИНА

ЭФФЕКТЫ «НЕПОСТИЖИМОГО УСКОРЕНИЯ», ИЛИ ФЕНОМЕН ПРЕЗЕНТИЗМА В ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

В центре внимания автора статьи находится проблема презентизма в историческом сознании переломных эпох. Подход автора к анализу этого феномена опирается на идею историчности самого исторического сознания и принцип его социальной контекстуализации. Роль настоящего в истолковании прошлого рассматривается как свидетельство неискоренимой референциальности исторического сознания, а актуализация идеи историчности как общая проблема социогуманитарного знания в условиях кризиса классической темпоральности и поисков «новой эпистемологии».

Ключевые слова: историчность, историческое сознание, историческая культура, режимы темпоральности, переломные эпохи, презентизм

В середине XX века Люсьен Февр четко артикулировал ощущение конца исторической эпохи, говоря о том, что со вчерашним миром, лежащим в руинах, покончено раз и навсегда, и указывая как на «чудовищный рост скоростей (в другом переводе – «непостижимое ускорение»), который, сталкивая континенты, упраздняя океаны, сбрасывая со счета пустыни, приводит к неожиданным контактам человеческих групп, заряженных противоположным электричеством. <...> Уже теперь ясно одно: и нам, и нашим детям нужно приспособливаться – не сегодня, так завтра – к жизни в непрестанно меняющемся, зыбком мире»¹. Впрочем, такое восприятие слома эпох имеет и гораздо более отдаленные прецеденты. Например, достаточно вспомнить, как выразил свое восприятие времени и особое настроение на пороге XVII столетия гениальный поэт и драматург, творивший в эпоху становления новой духовной культуры:

*Мы видели, как времени рука
Срывает все, во что рядится время,
Как сносят башню гордую века
И рушит медь тысячелетий бремя...
Как пробегает дней круговорот
И королевства близятся к распаду...²*

Цитируя этот сонет в своей книге «Шекспир и история» М.А. Барг даже вывел определенную закономерность: «чем больше мы отдаляемся от современного состояния исторической науки к ее истокам, тем в большей степени историческое видение ограничено “настоящим”», что

¹ Февр 1990. С. 39-47.

² Шекспир, Сонет 64 (пер. С.Я. Маршака).

особенно характерно для исторического мышления XVI века³. Впрочем, роль настоящего в истолковании прошлого – неизменное свидетельство референциальности исторического сознания (о чем еще будет сказано ниже). В данном случае обращает на себя особое внимание другое – ярко проявленное ощущение историчности самой современности и ускорения (как и неотвратимой разрушительной силы) времени.

Наш современник, известный российский специалист по исторической психологии и психологической культурологии В.А. Шкуратов на заре XXI в. констатировал феномен «сверхбыстрого времени», которое «сводит темпоральности, казавшиеся несовместимыми, в общий класс и позволяет переформулировать вопрос об отношении индивидуальной и исторической длительностей». Согласно Шкуратову, сверхбыстрое время, время гиперсобытийной истории, «качественно отличается от быстрой длительности, отождествляемой с индивидуально-психологической протяжённостью события». «Если раньше история была для современников слишком широка, медленна и необозрима, то сейчас человек слишком медленен для её темпов». «События проносятся так быстро, что наблюдатель истории может фиксировать как бы отдельные детали и следы произошедшего, но целое остаётся за пределами его восприятия». Речь идёт о затруднениях в соединении темпоральных модальностей прошлого и будущего с настоящим при *ускорении* подачи информации. Фрагменты последовательности «прошлое-настоящее-будущее», которая для классической истории является синонимом объективного необратимого времени, перекомпоновываются в циклы обратимого времени, хорошо известного мифу, искусству, литературе, обыденному сознанию, востребуя, таким образом, направления, которые приближают большое время истории ко времени индивидуального человека.

В целом, в своих рассуждениях В.А. Шкуратов исходит из того, что психологическим ядром проблемы времени является «осознание человеком своей изменчивости» и соотнесение его индивидуального «преходящего жизненного срока» с Временем истории. Иными словами, речь идет об актуализации проблемы историчности.

Говоря о понятии «историчность» нужно отметить его разновременное появление и отличающиеся значения в разных языках и культурах. Начиная с XIX в. оно употребляется в научной литературе в двух значениях. Во-первых, в философском – причем специалисты по истории философии, как и по философии истории, фиксируют двойственность значения этого термина в философских словарях: «узкое», или т.н. историко-техническое, синонимичное понятию «фактичности», удостоверенности исторического факта документальным свидетельством, под-

³ Барг 1979.

твержденности данными конкретного исторического исследования⁴, и второе – связанное с существованием в определенном времени и пространстве⁵. Разумеется, чрезвычайно трудно дать обобщающее определение “историчности” как термина современного социально-гуманитарного знания, так как, по сути, мы имеем дело с разными терминами, «вводимыми путем определений в различных философских системах и различных социальных и гуманитарных науках»⁶. Эта общая проблема научного знания особенно актуализируется в перспективе «новой исторической эпистемологии». Однако и в собственно исторической науке мы сталкиваемся с теми же различающимися значениями; среди них наиболее распространенным остается понимание историчности как характеристики историзма в качестве особой формы осмысления истории, обозначаемой как «осознание историчности всего, что существует»⁷. Так, например, Х. Риттер в своем словаре исторических понятий, вышедшем в свет в 1986 г., уже после работ Р. Козеллека об опыте темпорализации истории и даже издания их английского перевода⁸, все еще помещает термин “историчность” в рубрику «Историзм, историзм»⁹.

Между тем, в русле, казалось бы, той же традиции М.А. Барг в статье «Историческое сознание как проблема историографии», впервые опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 1982 г.¹⁰, предпочитает говорить не об историчности, а о наполнении общественного сознания, начиная с эпохи Возрождения, элементами историзма, подчеркивал: «Итак, общественное сознание является историческим не в силу того, что его ответы на “вечные вопросы” общественного бытия с течением времени меняются, и не потому, что определенной своей стороной оно обращено в прошлое. Историческое сознание в собственном смысле слова – это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее. Только их сопряжение (что возможно лишь на почве настоящего) в состоянии перевести статику воспоминания и созерцания в динамическую форму предвидения и целеполагания»¹¹, а историки «специфическими для них средствами не только воссоздают прошлое, но, того не сознавая, запечатлевают и себя и свое время – горизонты его видения,

⁴ Bayer 1965. S. 289.

⁵ Ritter 1986. P. 184-185.

⁶ Сундуков 2000.

⁷ См. об этом: Эксле 2004; Oexle 2000.

⁸ Koselleck 1985.

⁹ Ritter 1986. P. 184-185.

¹⁰ Барг 1982. В 1987 г. ее текст был положен автором в основу теоретико-методологического введения «Историческое сознание и история» к его книге «Эпохи и идеи: становление историзма».

¹¹ Цепь времен... С. 13.

способы выражать увиденное»¹². Речь таким образом идет «об историзме самого исторического сознания», определяющего «пространственно-временную ориентацию общества»¹³. И это понимание историзма существенно отличается от классического историзма XIX века. Подчеркиваются две фундаментальные черты историзма нового времени: мысль об исторической эпохе как интегрированном целом, т.е. о взаимосвязанности и взаимообусловленности всех ее граней, всех форм и проявлений человеческого бытия в рамках каждой данной эпохи...»¹⁴, а также исторический релятивизм¹⁵. Само рождение историзма нового времени в эпоху Ренессанса связывается с открытием исторического времени, исторической ретроспективы и исторической дистанции – «глубины исторического времени», обнаруженной в результате осознания содержательного различия между отдельными его отрезками, способности «одной исторической эпохи сравнить себя с предшествующими, чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними»¹⁶.

Проблеме исторической дистанции специально посвящена монография известного канадского историка, специалиста по истории исторической мысли Марка Филлипса¹⁷. В фокусе книги – временная дистанция как историографический феномен, прочно укорененное представление о том, что более ясный и взвешенный взгляд на прошлое можно обрести только с удаленной позиции современности. Однако, принимая наличие временной дистанции как само собой разумеющееся, как необходимое условие изучения прошлого, обычно не учитывают ее специфические формы, которые Филлипс, напротив, подвергает пристальному анализу на материале западноевропейской историографии XVI–XIX вв. Понимая дистанцию как некую форму опосредования, он обращает внимание на разнообразие стратегий, с помощью которых историки позиционируют себя по отношению к прошлому, которое они изучают. Эти стратегии группируются в четыре выделенных, но частично перекрывающих друг друга, категории по принципу целеполагания: 1) стратегии, используемые для написания истории и связанные с историческими формами, жанрами и конвенциями; 2) чтобы испытать чувство истории – аффективную, сентиментальную связь с прошлым; 3) чтобы «делать историю» – эти стратегии соотносятся с ее идеологическими функциями; 4) чтобы понять историю – с функциями объяснения и понимания. Более широкий взгляд на историческую дистанцию с учетом различия возможных перспектив подрывает пред-

¹² Там же. С. 21.

¹³ Там же. С. 13-14.

¹⁴ Барг 1987. С. 262.

¹⁵ Там же. С. 285.

¹⁶ Барг 1984. С. 83.

¹⁷ Phillips 2013.

ставление о развитии историографии как о линейном процессе, неизбежно ведущем к «правильному историческому сознанию». Историография (с выдающимися каноническими фигурами ее классиков) рассматривается всего лишь как одна из целого семейства анализируемых в книге форм исторической репрезентации, включая историческую живопись, историческую беллетристику, музейные экспозиции и др.

Культурно-антропологический подход выводит нас за рамки привычных представлений об историчности, как об отношении к прошлому, формируемому лишь профессиональными историками: историчность понимается как антропологическая универсалия, регулирующая ментальные операции, связанные с ориентацией исторических субъектов разного уровня (индивидов, социальных групп, общества) и опирающаяся на историческую память. Ключевую роль в системе наших представлений об историческом времени играют *образы прошлого, настоящего и будущего*, вокруг которых формируется локализованная во времени и пространстве коллективная память сообщества, обосновывающая его уникальную идентичность в настоящем¹⁸. Продолжающийся бум мемориальных исследований конца XX – начала XXI в. имеет сильные методологические, историографические и этические предпосылки и стимулы. Нео-феноменологическое направление современной историографии создало теоретическую основу для интеграции памяти и воспоминаний в поле исторической науки. Центральную роль в этом сыграли новые концепции исторической темпоральности, преодолевшие модернистское представление о «смерти прошлого» как базовом условии исторического понимания¹⁹. В наиболее известной из них форма «согласования прошлого, будущего и настоящего» описывается понятием «режима историчности».

Франсуа Артог предложил в качестве полезного инструмента анализа исторического сознания типологию «режимов историчности» (пассеизм, презентизм, футуризм), форм восприятия времени и отношения к нему, понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных обществах и культурах, а также на разных социальных уровнях²⁰. Наиболее эффективно это понятие может применяться как раз при изучении периодов кризисов, так как именно в «смутные времена» общественных трансформаций происходят существенные изменения в привычном темпоральном порядке. При этом, говоря о своем понимании режимов историчности как различных способов артикуляции категорий прошлого, настоя-

¹⁸ Misztal 2003.

¹⁹ Spiegel 2014.

²⁰ Hartog 2003; Artoг 2002.

щего и будущего, Артог не устает подчеркивать, что режим историчности – не реальность, а «эвристический инструмент, близкий к веберовскому идеальному типу»²¹. Этот инструмент анализа помогает ответить на вопросы: «имеем ли мы дело с забытым прошлым или с прошлым, слишком часто актуализируемым; с будущим, которое почти исчезло с горизонта, или с будущим, скорее угрожающим нам своим неизбежным приближением; с настоящим, беспрестанно тонущим в сиюминутности или почти статичным и бесконечным, если не вечным?»²².

Векторность исторического сознания непосредственно связана с существованием разных типов общественного идеала: *ретроспективного* (идеал в утраченном прошлом, «золотом веке») и *перспективного* (идеал в ожидаемом и желанном будущем)²³. Идея истории, охватывающей все три модуса времени, стала достоянием европейской исторической мысли XVI столетия, но лишь к эпохе Просвещения обрела однозначно линейную перспективу. С конца XVIII столетия время воспринимается через идеи прогресса, история – как процесс осознания себя во времени, когда само время, по сути, «превращается в действующее лицо истории»²⁴. Идея прогресса, характерная для эпохи Просвещения, позволяла принимать в настоящем активное участие в создании будущего, а в России она получила отчетливо-утопическую («футуристическую») окраску с исторической ретроспективой, в которой прошлое и настоящее выступали лишь как приготовление к «славному будущему»²⁵. Устойчивость такого утопического типа исторического сознания неоспорима. Однако соотношение времен оказывается исторически специфичным и культурно обусловленным. Как было отмечено Ю.М. Лотманом, «формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»²⁶.

Специалисты по истории разных цивилизаций редко сопоставляют результаты своих исследований, а если это случается, то процедура, как правило, сводится к противопоставлению. В таком сравнении доминирует неизбежная предзаданность культурного контекста, вследствие чего исследователь оценивает историческое мышление другой цивилизации сквозь призму идеи истории в собственной культуре, и это имею-

²¹ Артог 2007.

²² Артог 2008.

²³ Так, например, по словам П. Хаттона, в отличие от исторических представлений предшествовавших эпох, историческое сознание, отражающее ценности современной культуры, «демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым и возлагает большие надежды на новшества будущего». См.: Хаттон 2003. С. 24.

²⁴ Артог 2007.

²⁵ Артемьева 2005. С. 6.

²⁶ Лотман 1996. С. 344–345.

щееся у него представление о том, что есть история, выступает как скрытый критерий, как норма или, по меньшей мере, как некий фактор, структурирующий его видение иных вариантов исторического мышления (т.н. «культурный империализм»). В случае неотрефлексированности этой ситуации, сравнение превращается в простое измерение дистанции от некритически воспринятой «нормы» в терминах «развитости» («прогрессивности») и «отсталости» («архаичности», «примитивности») и не дает возможности разобраться в особенностях и сходствах различных способов исторического мышления и исторического описания.

«Историческое сознание» в строгом (нововременном) смысле разрушилось в период постмодерна. Формируется новый тип исторической культуры: восприятие прошлого задается настоящим, темпоральной стратегией режима историчности становится презентизм. Кризис линейной темпоральности – это фактически кризис социальной памяти исторического типа. Новейшая эра в истории человечества многократно превзошла все предшествующие, как внутренним динамизмом, так и стремительным нарастанием национальных и глобальных проблем экзистенциального характера²⁷. Острое ощущение смены ритма исторического времени и даже «разрыва временного континуума» на переломе эпох включило, начиная с последней четверти XX века, *презентистский режим историчности*²⁸, который, став одной из доминант профессионального сознания современных историков, окрашивает в особые тона как никогда многочисленные и напряженные дискуссии по ключевым проблемам исторического познания, включая все аспекты «присутствия прошлого в настоящем». В этой связи стоит на мой взгляд, учитывать, по меньшей мере, два обстоятельства, связанных уже не столько с проблемой времени, сколько с характеристикой социального пространства: 1) В общих условиях кризиса исторического сознания и смены режима историчности презентистское настоящее переживается очень по-разному в зависимости от места, занимаемого историком и самим обществом в историческом пространстве; 2) Стоит помнить о том, что организация, упорядочение прошлого в зависимости от ситуации и вызовов настоящего – это базовая социальная функция истории, постоянный атрибут исторического сознания как составляющей сознания общественного. В сущности, всякая история является презентистской.

Не случайно эта линия четко прослеживается в продолжающихся дискуссиях вокруг проблем исторической эпистемологии в профессио-

²⁷ Наблюдая за современными процессами глобализации, Артог поставил вопрос, как установить связь между прошлым, настоящим и будущим в условиях «быстрого возвышения категории настоящего»? – Hartog 1995. P.1223-1227.

²⁸ Он символически датирует поворот от модернистского режима к презентистскому 1989-м годом. – Hartog 2003. См. также: Мильчина 2004.

нальном сообществе. Так, в 2017 г. журнал “Past & Present”, желая стимулировать дискуссию о состоянии дисциплины и о практике истории как внутри, так и вне академии, провел на своих страницах научный форум «Прошлое и... презентизм», пригласив семерых специалистов в разных областях исторического знания высказаться по проблеме презентизма с отсылкой к предмету исследования каждого из них²⁹. Были поставлены следующие вопросы:

1. Какое место занимает презентизм в современной историографии?
2. Могут ли историки избежать видения прошлого сквозь призму настоящего?
3. Следует ли предпринимать наши исследования с учетом их текущей актуальности и с целью преобразования будущего?

Высказанные точки зрения можно представить следующим образом:

Несколько участников обратили внимание на традиционно негативные коннотации термина «презентизм», обычно используемого для описания пристрастной историографии, окрашенной сиюминутными интересами, заботами и ценностями. Они отражают обеспокоенность относительно искажающих эффектов и опасностей отношения к прошлому с позиции настоящего, считая анахронизм самым ужасным грехом историка. Инстинктивная подозрительность к презентизму, преобладающая среди многих историков является наследием позитивистского идеала объективности, установленного в период профессионализации исторической дисциплины в XIX в., исходя из убеждения в том, что прошлое следует изучать ради него самого, а не для решения текущих проблем, что усиливалось расцветом триумфалистских, телеологических моделей исторического анализа в конце XIX – первой половине XX в. Презентизм в этом своем значении остается одним из негативных критериев, относительно которых определяется профессионализм работы историков. Частота употребления этого термина в последние десятилетия связывается с теми переменами, которые делают насущной задачей защиту общественной полезности истории как науки, исходя из того, что доказательство актуальности исторических исследований является одним из способов преодоления кризиса гуманитарного знания.

Как выразилась Александра Уолшем (Alexandra Walsham, Un-ty of Cambridge) «амбивалентное отношение к презентизму у нас... сохраняется, несмотря на скептицизм относительно возможности избавиться от предубежденностей нашей культурной обусловленности... Сегодня общепризнано, что некоторая степень презентизма является неизбежной проблемой исторического метода. Но есть также укрепившееся осознание того, что те трудные вопросы, которые мы предъявляем чу-

²⁹ Viewpoints: Presentism. Introduction...

жой стране прошлого одновременно приносят нам самые ценные про-никновения в ее характер». Динамичный и креативный диалог с прошлым с позиции настоящего «зависит от признания инаковости прошлого и подхода к нему с инструментами, которые позволяют нам читать то, что скрыто под поверхностью». Мири Рубин называет этот подход «контролируемым анахронизмом». Питер Косс пишет об «уникальной смеси перспективизма и ученой беспристрастности» историка. Кэтрин Холл, призывая к усиленной саморефлексии, подчеркивает, что побочный эффект импортирования проблем настоящего в сферу научных штудий часто оказывается полезным, так как они под особым углом высвечивают предмет исследования, открывая его новые аспекты.

Какова же роль историка во все более презентистском мире? Отвечая на этот вопрос в перспективе более широкого взгляда на историю исторического знания, согласимся с тем, что использование своей позиции в настоящем для реализации роли историка как посредника между поколениями может быть воспринята как приемлемая форма презентизма. Темпоральные характеристики исторического сознания имеют еще один важный аспект, который связан со статусом истории как особой *критической* (корректирующей) формы памяти о прошлом. Большинство представлений о прошлом в памяти социума, как и индивидуальные воспоминания, не отличаются хронологической определенностью и даже не связаны с последовательностью событий. Именно историк организует и преобразует разрозненные факты прошлого в связное повествование. Итак, будучи включен в пространство социальной памяти, историк одновременно призван ее «поправлять», руководствуясь профессиональными стандартами и нормами³⁰. Как говорил Фернан Бродель, «историк должен быть наделен критическим взглядом, позволяющим ему отвлечься от текущих обстоятельств»³¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артемуева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
- Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 22-35. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ar3.html>
- Артог Ф. Время и история // *Анналы* на рубеже веков: антология. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 147–168.
- Артог Ф. Какова роль историка во все более «презентистском» мире? // Дебаты. 15.03.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8000>
- Артог Ф. Мировое время, история и написание истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007. С. 13–23.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас 2008. № 59 (3). URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>

³⁰ Как удачно выразился Ангуан Про, память «...черпает силу в тех чувствах, которые она пробуждает. История же требует доводов и доказательств». Про 2000. С. 319.

³¹ Артог 2013.

- Барг М. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49-66.
- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. 315 с.
- Барг М.А. Шекспир и история. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1979. 216 с. (Серия «Из истории мировой культуры»). (1-е изд. – 1976).
- Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: «Мысль», 1987. 354 с.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Мильчина В. (реферат). Ф. Артог Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени // Отечественные записки. 2004. № 5 (19). С. 214-225.
- Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: РГТУ, 2000. 336 с.
- Сундуков Р. Значение термина “историчность” в немецкой философии XIX в. // Логос. 2000. № 5/6. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_5_6/2000_5_6_09.htm
- Февр Л. Лицом к ветру. Манифест новых “Анналов” // Бои за историю. М.: Наука, 1990. С. 39-47.
- Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003. 424 с.
- Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84-110.
- Bayer E. *Geschichtlichkeit* // Wörterbuch zur Geschichte. Stuttgart: A. Kröners, 1965. 545 S.
- Hartog F. Régimes d'historicité. Presentisme et Experiences du temps. Paris: Seuil, 2003. 257 p.
- Hartog F. Temps et histoire. Comment écrire l'histoire de France? // Annales. 1995. A. 50. № 6. P. 1219-1236.
- Koselleck R. *Futures Past*. Cambridge, Mass.: Columbia University Press, 2004. 318 p.
- Misztal B. *Theories of Social Remembering*. Maidenhead: Open University Press, 2003. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf>
- Oexle O.G. *Kulturelles Gedächtnis im Zeichen des Historismus* / H.-R. Meier, M. Wohlleben (Hg.). Bauten und Orte als Träger von Erinnerung. Die Erinnerungsdebatte in der Denkmalpflege. Zürich, 2000. S. 59-75.
- Phillips Mark S. *On Historical Distance*. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 312 p.
- Ritter H. *Dictionary of Concepts in History*. N.Y. etc., 1986. 514 p.
- Spiegel Gabrielle M. *The Future of the Past: History, Memory and the Ethical Imperatives of Writing History* // *Journal of the Philosophy of History*. 2014. Vol. 8. P. 149–179.
- Viewpoints: Presentism. Introduction // *Past & Present*. 2017. No. 234. P. 213-217.

REFERENCES

- Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: Filosofiya istorii i utopiya v Rossii ehpoi Prosveshcheniya. SPb.: Aletejya, 2005. 496 s.
- Artog F. Vremya i istoriya // *Annaly na rubezhe vekov: antologiya*. M.: IVI RAN, 2002. S. 147–168.
- Artog F. Kakova rol' istorika vo vse bolee «prezentistskom» mire? // *Debaty*. 15.03.2013. URL: <http://gefter.ru/archive/8000>
- Artog F. *Mirovoe vremya, istoriya i napisanie istorii* // *Krynicaznaŭstva i spe-cyjal'nyya gista-rychnyya dyscypliny: navuk. zb. Vyp. 3*. Minsk : BDU, 2007. S. 13–23.
- Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti // *Neprikosnovennyj zapas* 2008. № 59 (3). URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>
- Barg M. Istoricheskoe soznanie kak problema istoriografii // *Voprosy istorii*. 1982. № 12. С. 49-66.
- Barg M.A. *Kategorii i metody istoricheskoy nauki*. M.: Nauka, 1984. 315 с.
- Barg M.A. *SHekspir i istoriya*. 2-е изд., испр. i dop. M.: Nauka, 1979. 216 s. (Seriya «Iz istorii mirovoj kul'tury»). (1-е изд. – 1976).
- Barg M.A. *EHpoi i idei. Stanovlenie istorizma*. M.: «Mysl'», 1987. 354 s.
- Bayer E. *Geschichtlichkeit* // Wörterbuch zur Geschichte. Stuttgart: A. Kröners, 1965. 545 S.
- Cep' vremeni: problemy istoricheskogo soznaniya / Pod red. L.P. Repinoy. M.: IVI RAN, 2005. 256 с.
- EHksle O.G. *Istoricheskaya nauka v postoyanno menyayushchemsya mire* // *Dialog so vremenem*. 2004. Vyp. 11. S. 84-110.

- Fevr L. Licom k vetru. Manifest novyh "Annalov" // Boi za istoriyu. M.: Nauka, 1990. S. 39-47.
- Hartog F. Régimes d'historicite. Presentisme et Experiences du temps. Paris: Seuil, 2003. 257 p.
- Hartog F. Temps et histoire. Comment écrire l'histoire de France? // Annales. 1995. A. 50. № 6. P. 1219-1236.
- Hatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2003. 424 s.
- Koselleck R. Futures Past. Cambridge, Mass.: Columbia University Press, 2004. 318 p.
- Lotman YU.M. Vnutri myslyashchih mirov: CHelovek – tekst – semiosfera – istoriya. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 464 s.
- Mil'china V. (referat). F. Artog Tipy istoricheskogo myshleniya: prezentizm i for-my vospriyatiya vremeni // Otechestvennye zapiski. 2004. № 5 (19). S. 214-225.
- Misztal B. Theories of Social Remembering. Maidenhead: Open University Press, 2003. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640#sthash.p5zf3FHP.dpuf>
- Oexle O.G. Kulturelles Gedächtnis im Zeichen des Historismus / H.-R. Meier, M. Wohlleben (Hg.). Bauten und Orte als Träger von Erinnerung. Die Erinnerungsdebatte in der Denkmalpflege. Zürich, 2000. S. 59-75.
- Phillips Mark S. On Historical Distance. New Haven, CT: Yale University Press, 2013. 312 p.
- Pro A. Dvenadcat' urokov po istorii. M.: RGGU, 2000. 336 s.
- Ritter H. Dictionary of Concepts in History. N.Y. etc., 1986. 514 p.
- Spiegel Gabrielle M. The Future of the Past: History, Memory and the Ethical Imperatives of Writing History // Journal of the Philosophy of History. 2014. Vol. 8. P. 149-179.
- Viewpoints: Presentism. Introduction // Past & Present. 2017. No. 234. P. 213-217.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зав. Отделом историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания, Институт филологии и истории РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Effects of “incomprehensible acceleration”, or Phenomenon of presentism in the history of historical consciousness

The focus of the article is on the problem of presentism in the historical consciousness of turning epochs. The author's approach to the analysis of this phenomenon is based on the idea of historicity of the historical consciousness itself and the principle of its social contextualisation. The role of the present in interpreting the past is seen as evidence of the ineradicable referential nature of historical consciousness, and the actuality of the idea of historicity as a common problem of socio-humanitarian knowledge in the context of the crisis of classical temporality and the search for "new epistemology".

Keywords: historicity, historical consciousness, historical culture, regimes of temporality, turning epochs, presentism

Lorina Repina, Member of the Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of World History (RAS), Head of the Department of Theory and History of the Humanities (Russian State University for the Humanities); lorinarepina@yandex.ru